

Отбросить все запреты

В ноябре 1994 года СИЛЬВИ ГИЛЛЕМ исполнила партию Заремы в "Бахчисарайском фонтане" во время гастролей балетной труппы Мариинского театра в Париже

...Одетая в простую красно-черную шерстяную одежду, Сильви Гиллем, утопая в огромном кресле гостиницы "Принц Уэльский", напоминает скорее неустовую беглянку, чем "балерину века". В свое время, еще будучи совсем юной гимнасткой, она вошла в олимпийскую сборную Франции. Потом в возрасте одиннадцати лет поступила в школу Парижской Оперы и сформировалась в этом театре как творческая личность, минуя многие ступени профессионального продвижения артистов балета. А в 1989 году одним махом оборвала связь с родной труппой и предпочла карьеру независимого художника, не имея даже собственного импресарио, что в итоге позволяет ей самостоятельно подбирать репертуар. Не признавая никакого принуждения, кроме того, которое навязывает ей балетная дисциплина, она сегодня, в возрасте тридцати лет, является главной "приглашенной звездой" Лондонского Королевского Балета. Эта английская труппа разрешает ей танцевать, когда, где и с кем ей хочется, чего не позволила бы Парижская Опера.

Недавно она еще на три года возобновила с этим театром контракт, по условиям которого должна танцевать на его сцене двадцать пять спектаклей в сезон.

Решительная и неуступчивая, она у многих вызывает раздражение. В Великобритании ее упрекают в том, что в ней слишком много французского, а во Франции сложилось мнение, что теперь она танцует как настоящая англичанка. Когда Гиллем исполняет современную хореографию, поклонники классического балета видят в ней предательницу. Если же балерина появляется в партиях Черного лебедя или Баядерки, ей тут же приписывают презрительное отношение к сочинениям современников.

Герой-одиночка по натуре, она сама пытается разобраться в собственных противоречиях. И только на сцене находит убежище от нападков со стороны. Мы предлагаем запись беседы с этой весьма нетрадиционной звездой, похожей на героиню Джойса, но увиденных глазами хореографа Уильяма Форсайта, духовной сестрой Рудольфа Нуреева, которая с недавних пор чувствовала себя как дома в русском балете "Бахчисарайский фонтан".

— Благодаря вам мы увидели "Бахчисарайский фонтан". Что привлекло вас к этому неизвестному во Франции балету?

— Два или три года назад я впервые увидела этот балет. Мне понравилась его зрелищность, сказочная фабула. Я сказала тогда учредителям гастролей: "Не лучше ли вместо традиционных "дежурных блюд", всех этих нескончаемых "Лебединых озер", показать "Фонтан", русскую школу. Этот балет действительно позволяет понять истинный стиль Кировского театра, настоящие русские традиции, экзотику. Он напоминает немой фильм, но только сочиненный с учетом законов балетного искусства. Как похожи на его мизансцены многие кадры фильма "Иван Грозный", но только представьте их в цвете и замените драматических артистов танцовщиками. Если ставить на сцене китч, то надо это делать хорошо и честно. Мне очень по душе сама история любви, насилия и ревности. Я старалась во всем соответствовать представлению русских о том, какой должна быть героиня этого балета. До конца проникла в их стиль, систему. И, отбросив французскую беспечность, приняла всерьез чрезмерную пышность этого произведения.

— Вы так часто отказываетесь танцевать те или иные партии. Но если соглашаетесь, то что определяет ваш выбор: хореография или роль?

— Я прежде всего хочу вдохнуть жизнь в свой персонаж. Собираю о нем различную информацию, пользуюсь видеозаписями, черпаю из личных переживаний. В "Бахчисарайском фонтане" играю Зарему, настоящую звезду гарема, которая, красуясь перед зеркалом, всю себя выставляет напоказ. Только в классическом балете мыслимо полное отсутствие стыдливости. Зарема — сильная женщина, которая неожиданно получает удар и вынуждена примириться с появлением новой фаворитки — юной польской княжны. Рушится ее мир. Здесь исполнительница обязана передать и обаятельность, и отчаяние.

Часто актер рвет на сцене "страсть в ключах", а публика скучает. Такое встречается как в области классического балета с его запыленным, живущим впроголодь репертуаром, так и в современных постановках, где, как мне кажется, танцовщиков хотят превратить в машины (я издавна заставляю себя смотреть подобные спектакли, но часто испытываю разочарование).

— Навряд ли сказанное относится к Каннингему или Багуэ?

— Впервые увидев Каннингема, я поразились его неспособности выявить достоинства танцовщика. Костюмы в его спектаклях искажают линии. Я еще тогда поделилась с Рудольфом своими впечатлениями. А он мне ответил: "Знаешь, Каннингем, как вино — чем старше, тем лучше". Что же касается Доминика Багуэ, то я ничего не поняла в его балет-

тах — неплохо было бы посмотреть их еще раз.

— Вы отдаете предпочтение Бажару, Форсайту?..

— Форсайт языком классического танца может выразить очень сложные современные эмоции. А Бажар, создавший для меня партию Сисси (австрийской императрицы-анархистки), способен увидеть в актере то, что скрыто от других. Он до предела выявляет твои скрытые возможности. Только благодаря Бажару я узнала, что такое творческое безумие. И поняла, что безумие — довольно удобная вещь, позволяющая чувствовать себя предельно раскованно: можно отбросить все запреты, позабыть то, что вдалбливали в течение многих лет.

В процессе работы с ними возникает настоящий диалог. Это очень сбивает с толку, но в итоге общими усилиями мы движемся вперед. Когда работала с Бобом Уилсоном, умерла со страху: ежедневно все приходилось подвергать сомнению. Но надо научиться принимать такой стиль.

— Положение "приглашенной звезды" очень соблазнительно, поскольку гарантирует свободу. Но не таит ли оно в себе и многие опасности?

— Такова цена свободы. Если вы являетесь членом какой-то труппы, то всегда кто-то вас защитит. Но как только покидаете ее,

Зарема в "Бахчисарайском фонтане".

тотчас же становитесь объектом всевозможных сплетен и нападков.

Приходится снова и снова утверждать себя. Подобно тому, как, сидя на табуретке, все время приходится держать спину прямо. Никогда не иду на компромисс там, где это непозволительно. Прежде всего, в профессиональных вопросах.

Когда я воюю с балетмейстером по поводу какого-нибудь жеста, будучи уверенной в том, что его надо исполнять иначе, чем он предлагает, то делаю это исключительно потому, что считаю — любое произведение является живым и развивающимся организмом, а не застывшей формой. Танец не сводится только к па. А тебя все время хватают за руку, бесконечно объясняют, что и как следует делать.

Меня удивляет, что артисты всегда недовольны мелочами, например, температурой в гримборной, но никогда не художественным уровнем исполняемых произведений. Вслух не обсуждаются неправильное распределение партий, неудачное административное решение. И если кто-то это не соблюдает, его объявляют отщепенцем. Действовать самостоятельно — значит нарушить общепринятые нормы поведения.

— Парижская Опера гарантировала вам пенсию в сорок лет. Как вы видите свое будущее? Не собираетесь ли стать хореографом, возглавить какую-нибудь труппу или школу?

— Я не думала о пенсии ни уходя из Парижской Оперы, ни сейчас. Конец карьеры, старость, возможность травмы — конечно, все это существует, но лучше не задумываться на подобные темы. А стать хореографом — это значит отдаваться на все сто. Я к этому не готова, да и не уверена, что этим стоит заниматься. Возглавить школу? В любой школе педагоги в конечном итоге занимаются "промывкой мозгов".

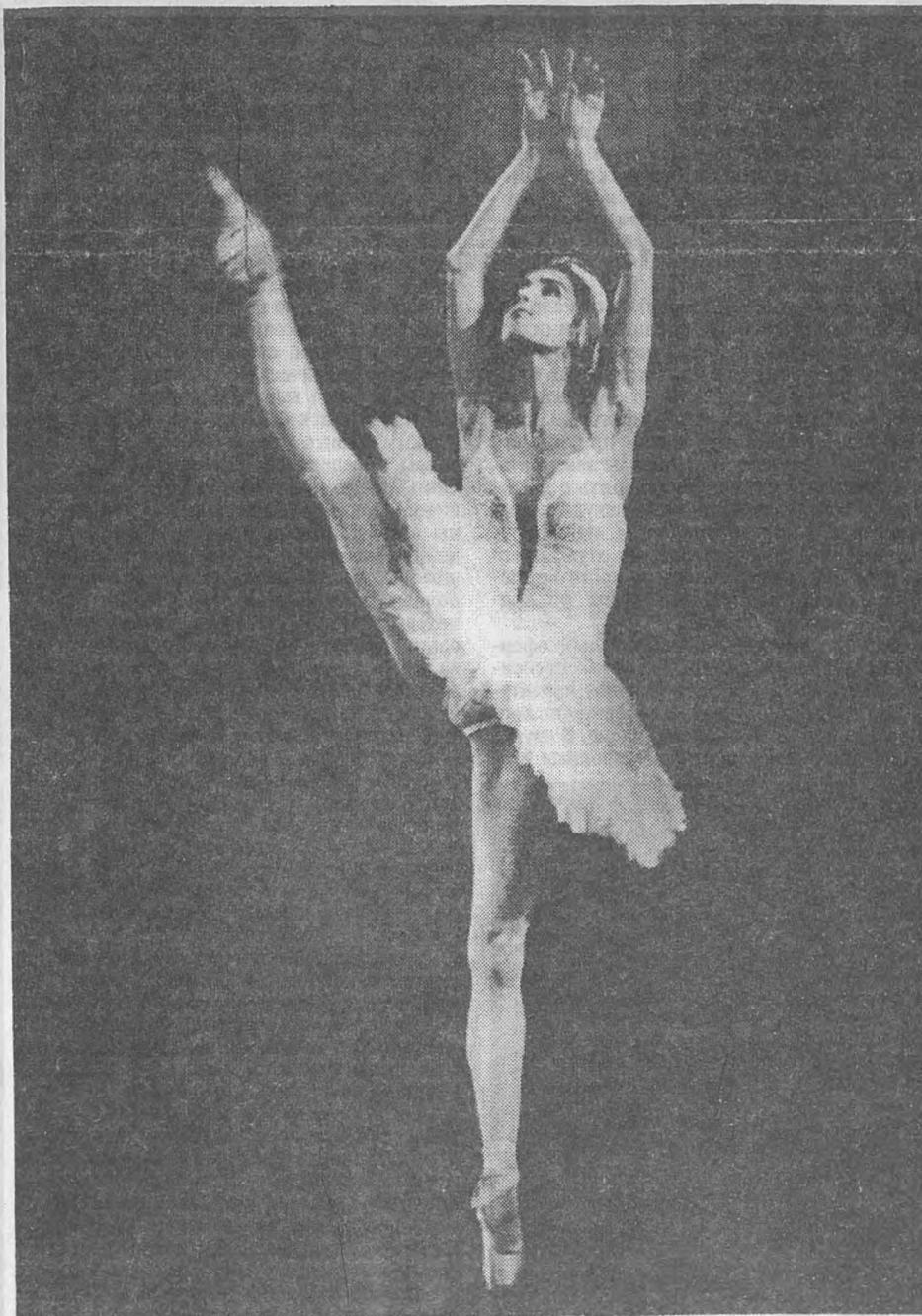
Теперь растут танцовщиков кордебалета. Ученики думают только о карьере, о том, как бы поскорее преодолеть низшие ступеньки профессиональной иерархической лестницы, добиться большего, чем достигли их родители. Мой бывший педагог Клод Бесси однажды сказала: "Ужасно, они не интересуются ничем, кроме поставленной перед собой цели". К счастью, я знаю, что в жизни существует не только танец.

Когда кончу танцевать, надеюсь, что мне удастся полностью поменять вид деятельности. Ну, а пока мое место на сцене, там, где никто не может со мной соперничать.

Мари-Кристин ВЕРНЭ ("Либерасьон")
Перевод с французского
Виолетты МАЙНИЦЕ

Биография СИЛЬВИ ГИЛЛЕМ

1965 — родилась в Париже. В возрасте 11 лет вошла в олимпийскую команду Франции по гимнастике.
1981 — была зачислена в кордебалет Парижской Оперы.
1984 — после одного из выступлений в "Лебедином озере" была возведена Рудольфом Нуреевым в ранг "звезды". В труппе она танцевала главные партии в "Ромео и Джульетте", "Раймонде", "Агоне" ...
1987 — "На середине на возвышении" Уильяма Форсайта
1988 — "Мученичество св. Себастьяна" Боба Уилсона
1989 — Подписывает контракт в качестве главной "приглашенной звезды" с Лондонским Королевским Балетом. Здесь танцует "Баядерку", "Золушку", "Жизель", "Манон", "Принца Пагола" ...
1992 — С Лораном Иллэром танцует в Риме "Эпизоды" Мориса Бажара
1993 — "Сисси, императрица-анархистка" Мориса Бажара в Лондоне
1993 — "Херман Шмерман" Уильяма Форсайта в Лондоне
1994 — "Баядерка" Рудольфа Нуреева в Париже. Командор изящных искусств и словесности. Кавалер ордена Почетного легиона (степень шевалье).

Одетта в "Лебедином озере". Фото Юлии ЛАРИОНОВОЙ